

АРХИТЕКТУРА И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО. РЕКОНСТРУКЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / RESEARCH PAPER

УДК 72.01:316.6

DOI: 10.22227/1997-0935.2025.4.485-495

Эволюция оборонного зодчества: от символики угрозы к печати апокалипсиса

Валентин Никитович Ткачев

Национальный исследовательский Московский государственный строительный
университет (НИУ МГСУ); г. Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Введение. Рассматриваются психологические аспекты генерации визионов — визуальных знаков угрозы, запрета, предупреждения, выраженных архитектурными формами, и динамика преобразований натуральных знаков психического воздействия на условные, изобразительные, играющие существенную роль в динамике социальных преобразований современного общества.

Материалы и методы. Основной методологический прием исследования — вычленение из позитивных понятий коммуникативных режимов визионов страха, запрета, угрозы по принципу «от противного». Материалы для интерпретации представлены в профессиональной прессе обширным диапазоном приемов общения, в том числе в сфере проксемики. Альтернативное суждение дает основания для выводов, поясняющих потенциал негативных воздействий на психику человека средствами архитектурной образности.

Результаты. Приведен широкий спектр эволюционных преобразований в сфере коммуникаций от знаков предупреждения до сигналов опасности и запретных действий, для усиления психологического воздействия которых используются архитектурные формы и образная символика, характеризующие в целом социокультурное состояние общества и его перспективы.

Выводы. Архитектурная символика угрозы и предупреждения в процессе развития цивилизации неизбежно приводит к демонстрации антигуманных тенденций в обществе, которые становятся индикаторами грядущих международных конфликтов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: знаки психического воздействия на сознание, категории угрозы и защиты, проксемика, визионы, выразительность, образ среды, «говорящая» архитектура, декаданс

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ткачев В.Н. Эволюция оборонного зодчества: от символики угрозы к печати апокалипсиса // Вестник МГСУ. 2025. Т. 20. Вып. 4. С. 485–495. DOI: 10.22227/1997-0935.2025.4.485-495

Автор, ответственный за переписку: Валентин Никитович Ткачев, valentintn@mail.ru.

Architecture of the ban

Valentin N. Tkachev

Moscow State University of Civil Engineering (National Research University) (MGSU);
Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

Introduction. The psychological aspects of generation of visions — visual signs of threat, prohibition, and warning, expressed by architectural forms, and dynamics of transformations of natural signs of mental influence on conventional, pictorial ones, which play an essential role in the dynamics of social transformations of modern society, are considered.

Materials and methods. The main methodological technique of the study is to isolate from positive concepts the communicative modes of fear, prohibition, and threat according to the principle “by contradiction”. The materials for interpretation are presented in the professional press by a wide range of communication techniques, including in the field of proxemics. The alternative judgment gives grounds for conclusions explaining the potential of negative effects on the human psyche by means of architectural imagery.

Results. They are represented by a wide range of evolutionary transformations in the field of communications, from warning signs to danger signals and prohibited actions, to enhance the psychological impact of which architectural forms and figurative symbols are used, characterizing the overall socio-cultural state of society and its prospects.

Conclusions. The architectural symbolism of threat and warning in the process of civilization development inevitably leads to the demonstration of inhumane tendencies in society, which become indicators of upcoming international conflicts.

KEYWORDS: signs of mental influence on consciousness, categories of threat and protection, proxemics, visions, expressiveness, image of the environment, “talking” architecture, decadence

FOR CITATION: Tkachev V.N. Architecture of the ban. *Vestnik MGSU* [Monthly Journal on Construction and Architecture]. 2025; 20(4):485–495. DOI: 10.22227/1997-0935.2025.4.485-495 (rus.).

Corresponding author: Valentin N. Tkachev, valentintn@mail.ru.

ВВЕДЕНИЕ

В организацию среды обитания входит создание физиологического и психологического комфорта. С древнейших времен актуальна задача защиты места обитания и отпугивание незваных визитеров.

Восприятием окружающего мира в сознании образуется картина его позитивных и негативных качеств. Кванты впечатлений — визионы — откладываются в памяти наблюдателя и составляют ресурс стимулов ментальной и физической деятельности.

Визионами позитивной информации накапливается опыт благополучной жизни, визионы угрозы отторжения, страха — а их список гораздо шире — ставят нередко вопросы жизни — смерти, им в исследовании уделяется основное внимание.

Психологический баланс потенциалов позитивной и негативной информации, исходящей в том числе от наблюдения архитектуры, определяет подсознательно адекватность поведения человека и транслируется в общественное мировоззрение. Особенно заметное влияние на духовный мир общества оказывают депрессивные мотивации морали в эпохи потери надежности миропорядка.

Набор архетипов реакции на внешнюю направленную информацию со временем обогащается искусными приемами создания программируемого внушения знаков угрозы, защищенности, неприступности или гостеприимства; создание этих визионов есть продукт пограничных контактов общения с визитерами.

Сила воздействия искусственных знаков и символов, определяющих тонус общения, зависит от опыта режиссера негласного сценария контактов, в том числе и от проксемики дистанционного поведения [1–5].

Созревание цивилизованности общества замещает обоюдоострую ортодоксальность прямых знаков угрозы и надежной защиты на общепонятные предупредительные символы: мегалитическая кладка крепостных стен имитируется декоративной нарезкой квадратов, защита от злых духов ограничивается начертанием мелового круга.

Тем не менее конвенциональные средства предупреждения прямого конфликта все же подкрепляются видимыми знаками, например колючей проволокой, подавляющим видом монументальной архитектуры, холодной надменностью симметрии, экстравагантными формами сооружений...

В архитектурных формах концентрируются вневременные знаки и символы «говорящей» архитектуры в диапазоне плюс-минус реакции наблюдателя в зависимости от его подготовленности и убедительности сигнала.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В методологическом смысле любой материал по существующей и проектируемой архитектуре мо-

жет служить источником информации об ортодоксальных приемах защиты и нападения.

Исторически впечатления угрозы (и одновременно защищенности) отпечатывались в общественном сознании как понятия, связанные с военными действиями. Имеется обширная литература, освещающая фортификацию замков и крепостей [6–14]; это лишь малая часть публикаций, из которых наиболее всеобъемлющей является работа В.В. Яковлева, включающая информацию о деятельности С. Вобана, Д. Карбышева, Ц. Кюи [15].

В военных текстах не принято излагать психологические мотивы при разработке фортификационных решений.

Эмоциональные аспекты восприятия образа доживших до наших дней замков и средневековых крепостей, тем более их руин, естественно, украшены пафосом или печалью памяти. Чувства, которые внушает вид таких объектов, рождаются, главным образом, воображением наблюдателей, подогреваемым легендами и парейдолией [16–18].

В любом случае памятники культуры и архитектуры осознаются как следы свершившихся событий, сценарии которых дают толчок к их оценке как артефактов, сработанных историей.

Социальные бури, бушевавшие столетия назад, реально и предметно отражены в укреплениях крепостей, в изолированности живописных композиций замков, и сегодня в меру воображения мы можем заглянуть в, увы, неромантические события того времени.

И потому методология нашего исследования привлекает эмоциональные «вытяжки» из рутинных описаний и наблюдения некогда грозных объектов монументального зодчества, не обязательно крепостного. Их сегодняшний облик и склоняет к романтическим описаниям (рис. 1).

Но «угрожающая» архитектура существует и в наше время, просто визионы прямых запре-

Рис. 1. Образец фортификации средневековой крепости¹

Fig. 1. A specimen of the fortification of a medieval fortress¹

¹ URL: <https://i.pinimg.com/736x/1a/fl/69/1af169ed00784cbе5e390bb6e58c622d--south-yorkshire-yorkshire-england.jpg>

тов сменились на условную информацию, предупреждающую агрессора о бесперспективности нападения. А услужливое воображение предлагает видения «страшилок» не обязательно военного содержания, которые рассмотрены ниже.

Таким образом, в истории заложен основной источник информации, интерпретация которой и составляет предмет авторского исследования [19–24]. Но цель его лежит глубже. Творцы современной архитектуры, возможно, не подозревая того, демонстрируют архитектуру, внешний образ которой несет угрозу в надфизическом смысле, апеллируя к глубинным ассоциациям, нагнетаемым современными СМИ и стилистическими модуляциями в архитектурной эстетике нарочитой руинированности, разрушения, незавершенности, с тектоническими искажениями (рис. 2). Авторы современных экстравагантных шедевров, наверное, должны хотя бы подсознательно понимать депрессирующее влияние своих работ на общественное мировоззрение. Данная статья — предупреждение.

Архитектура в своей образной символике не вызывает ортодоксальных впечатлений, они скорее воспринимаются подсознательно, и ощущения «приятия» объекта возникают благодаря сенситивному потенциалу личности наблюдателя, который затем транслируется в общественное сознание. Иногда наоборот — существующее мнение накладывается на тонус индивидуального впечатления.

Чувство, близкое страху, при виде руин старинного замка в лесистом ущелье, над которым тяготеет миф о проклятии, возникает у наблюдателя подготовленного, впечатлительного и верящего в потусторонние силы. Обмен мнениями только подогревает атмосферу угрозы, закрепляет репутацию объекта в культурном поле, создавая ему фантастический ореол, одновременно привлекающий и пугающий.

Рис. 2. Архитектура военизированного брутализма в Берлине²

Fig. 2. Architecture of militarized brutalism in Berlin²

² URL: <https://i.pinimg.com/originals/a5/b9/4a/a5b94ad1df5c48ce93dc0341f8c38647.png>

Порции ощущений — визионов, формируют в сознании окрашенные психикой образы отдельных сюжетов, пригодных для составления каталога впечатлений: предметно ассоциативных, смешных, пугающих, угрожающих, внушающих гнев.

Визионы — тот освоенный человеком визуальный материал, на котором строятся порой весьма значительные события. Леонардо да Винчи рекомендовал развивать воображение, наблюдая бесформенные чернильные пятна, итальянский астроном Дж.В. Скиапарелли увидел «каналы» на Марсе, а византийский император Константин Великий поклялся принять христианство, увидев знамение в виде креста на небе.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для соблюдения логики повествования целесообразно воспользоваться принципами исторической последовательности. Они же обозначают развитие предпосылок повышения активности формирования в сознании понимания знаков угрозы и предостережения, а позже их генерирования в жизни и искусстве. Архитектура в этом процессе играет роль накопителя и предъявителя образов, создающих пакет заданных впечатлений.

Психологические эффекты, результирующие действия, побуждающие сознание к преобразованию внешних ощущений во впечатления, вооруженные памятью и фантазией, при попытке классификации визионов не дали четко очерченных характеристик. Например, возбужденные импульсы страха могут иметь различные силу и направление воздействия на психику — от приятного щекотания нервов на карусели «Русские горки» до смертельного ужаса падения в пропасть, или приступа гнева.

Мгновенная реакция сознания (или подсознания!) на неожиданные, как правило психические, атаки не разделяет на составляющие факторы акты воздействия, синтезирующие визионы, и других сенсорных систем, в том числе вестибулярных, звуковых, обонятельных, которые могут в резонансе породить шестое чувство — экстрасенсорное восприятие ситуации. Интуитивное понимание сложности перекрестных взаимодействий факторов возбуждения сенсорики и негативной реакции на них представляет, как выясняется, немаловажное значение для организации комфортной архитектурной среды, посылной опытному дизайнеру.

Поэтому, оставляя желающим попытки классификации этого объемного явления как естественного или искусственного генерирования угрозы, запрета, возбуждения страха компетентным психологам, авторы будут оперировать только с очевидными визионами в их ортодоксальном влиянии на сознание, тем более что спонтанное возбуждение синкретично по природе и не поддается расчленению.

Визуальная оценка среды всегда была первым и наиболее важным итогом решения поселиться

на приглянувшемся месте, где по заключению «аксакалов» отсутствовали угрожающие жизни признаки. То есть выбиралась территория, защищенная от непогоды, от нападений зверей и непрошенных гостей. Позднее выбор места обитания основывался на более тонких мотивах, исходящих из учета изощренных видов нападения и противопоставленных им средств защиты: расположением на острове, полуострове, в глухих лесах, за топкими болотами, на горе или в неприступном ущелье.

Для древнего человека, наткнувшегося на забор из остро заточенных кольев, на который навешаны черепа хищных животных, а то и врагов, будет понятно, что делать.

Каменные и бревенчатые ограды недвусмысленно намекают на надежную защиту.

Обладавшие широкомасштабным восприятием пространства кочевники для защиты своих территорий могли силами пленных возвести стены в виде каменных гряд на многие километры. Кочевой быт, простой в своих жизненных проявлениях, породил столь же простые (но и непреодолимые) условности различных запретов, касающихся даже произвольных покушений на суверенитет хозяина кочевья — нельзя наступать на порог юрты, трогать растяжки палатки, отказываться пройти через аллею очистительного огня и нарушать неписанные житейские ритуалы, свидетельствующие, что ты — «свой».

В деспотических государствах Египта и Междуречья сложились свои системы ритуальных игр допущения к священной персоне с жесткими ограничениями.

Мы сегодня склонны больше ценить эмоциональные мотивы выбора защищенного места для поселений, крепостей, замков древности и средневековья, видя в их образности еще и реализованные эстетические ожидания. Хотя по большей части их архитектура диктовалась тривиальной прагматикой, и мы видим красоту этих стихийно сложившихся по соображениям защиты сооружений в естественности монументальных стен и бастioned, наблюдательных и оборонительных башен, рвов и подъемных мостов.

Конечно, креативный тезис надежности защиты и демонстрации угрозы присутствовал в сознании строителей, заинтересованных в «товарном» виде создаваемой архитектуры, ее функциональной убедительности.

Сведения о целенаправленном возведении замка Нойшванштайн исключительно по романтическим мотивам документально отражены только в деятельности странного баварского короля Людвига II. Это образец эстетской интерпретации фортификационной сущности замка (рис. 3).

Но многие средневековые замки, скорее их руины, представляют визионы, вызывающие смешанное впечатление красоты и неясной тревоги, если к тому же с ними связаны легенды о страшных событиях феодальных войн, вроде замка валашского

господаря Влада III — графа Дракулы. ореол парализующего средневекового ужаса тяготеет над всеми замками Трансильвании (рис. 4).

Развитое опознание феноменов, вызывающих представления страха, ужаса, запрета, оцепенения, а с другой стороны — укрепления, консолидации, упрочения, неприступности, имеет историческое происхождение и закреплено в коллективном созна-

Рис. 3. Замок Нойшванштайн — причуда баварского короля Людвига II³

Fig. 3. Neuschwanstein Castle, a quirk of the Bavarian King Ludwig II³

Рис. 4. Одно из устрашающих видений замков Трансильвании⁴

Fig. 4. One of the terrifying visions of Transylvania castles⁴

³ URL: <https://i.pinimg.com/736x/cf/63/66/cf6366d37864d61890f8e69a9342d39b.jpg>

⁴ URL: <https://i.pinimg.com/originals/ee/9a/7e/ee9a7e54921102d8629e7410705e1004.jpg>

нии общества благодаря вербализации архетипов, об-разной фиксации воображаемых страшилок, истоки которых заимствованы генетикой становления опыта защитной мотивации сознания.

Все они суть производные фантазии зрителей, индуктированной впечатляющими явлениями дей-ствительности, образно акцентированными и подска-зывающими ассоциации: в кариатидах или атлантах, заменяющих колонны, изображениях горгулий, сата-нинских персонажей с уже откровенными угрозами в адрес впечатлительных прихожан.

Вал накопления и демонстрации систем наказа-ния и угроз вероотступникам прокатился по изобра-зительному искусству, успешно освоенному средне-вековой церковью.

Внушительные композиции страшного суда над грешниками на тимпанах входных порталов готических соборов, если согласиться с гипотезой Виолле-ле-Дюка о восточных истоках европейской готики, ведут начало из многофигурных скульптур-ных композиций индийских храмов, от которых на-следовали также ернически-эротическое содержание горельефов (рис. 5).

Как будто издеваясь над грозными ортодоксаль-ными догмами католической церкви, масоны по-зволяли себе ваять на фасадах храмов иронические персонажи.

Проще поддаются квалификации градации устрашающих образов: предупреждающих, предо-стерегающих, запрещающих, вызывающих напряже-ние и отвращение, грозящих гибелью — предполага-ющих реакции в виде усвоения опасности и прямой угрозы, страха или гнева, а нередко и юмора.

Можно также постулировать последователь-ность психологического цикла угроз: внушение —

ощущение — впечатление — оценка воздействия — ре-акция поведения — откладывание визиона в память.

Напомним о дихотомии реакции на психологи-ческое воздействие запретом, страхом.

Знаки условны, их влияние избирательно: на сво-их и чужих. Поэтому знаки угрозы и предупреждения, вроде черепов хищных животных, мелового круга, острых кольев ограды, мегалитической стены, адре-сованные врагу и «своим», воспринимаются в диаме-трально противоположном значении.

Со временем натуральные знаки угрозы и запре-та меняются на условные; уже сама по себе локали-зация крепости имеет предупредительный характер, конкретизированный изображениями львов, грифо-нов, разъяренных демонов на входах в сакральное пространство замка, дворца, монастыря.

Никому конкретно не адресованные на грани-цах перехода, на входе, экспонируются патологиче-ские образы растерзанных тел, уродливых существ, скелетов. О границе перехода в другой мир намекают костницы некоторых католических храмов Европы, стихийно сложившиеся как колумбарии из-за от-сутствия мест на кладбищах, особенно в эпоху Чер-ной смерти — чумы XIV–XV вв., когда от эпидемии вымерла треть населения.

Некоторые церкви были построены в это время во искупление грехов, и даже в их архитектурном дизайне сохранились признаки чумной эпохи. Вея-ние смерти исходит от готических соборов, заставля-ющее обходить их стороной. Возможно, поэтому они и сохранились в истории городов.

Необъяснимо, но знакомо, вероятно, каждому ощущение опасности, излучаемое зданиями больниц и кладбищенских часовен.

Прямолинейное нагнетание страха в Средне-вековье и пребывание в объятиях церковной морали несколько ослабело в Возрождение, освободившее, по меньшей мере, элиту общества от угнетающе-го чувства религиозных ограничений, что заметно сказалось на раскрепощении культуры, на сюжетах светской живописи, гуманистичной, со светлыми об-разами порхающих существ в росписях церковных интерьеров.

Даже леденящий душу страх оказаться подозре-ваемым в колдовстве, каббалистике и черной магии получал разрядку в публичных сожжениях зеленогла-зых и белокурых ведьм. Это развлекало горожан; не-даром последнее сожжение — конечно же в Испании, наиболее густо пропитанной суеверием и церковны-ми фобиями — состоялось только в середине XIX в. После этого, в компенсацию потерянных острых ощущений, в Европе активизируются театры.

Патологические образы в сюжетах ужасов полу-чили «гражданство» в гуманитарной сфере: литера-туре, живописи, а в последующем и в кино, наиболее достоверно изображающем акты насилия, убийства, изощренных издевательств.

Рис. 5. Сцена страшного суда на барельефном тимпане портала собора Сен-Лазар⁵

Fig. 5. The scene of the Last Judgment on the bas-relief tympanum of the portal of the Cathedral of Saint Lazare⁵

⁵ URL: <https://vyadrinkin.ru/wp-content/uploads/2020/07/Страшный-Суд-768x543.jpg>

Человек тянется к красоте, но и не отказывается от острых «теневых» воздействий на психику. Даже церковь не препятствовала появлению сатанинских сюжетов как зримого объекта праведной борьбы с темными силами преисподней. Неудивительно нейтральное отношение церкви к творчеству И. Босха, Ф. Гойи, где фигурируют персонажи, иллюстрирующие inferнальные религиозные и светские притчи (рис. 6). Индульгенцией Босха была морализаторская подоплека его мистических видений.

К тому же сюжеты средневековых ортодоксальных ужасов вышли за пределы церковной тематики, где их потенциал выразительности в XIX–XX вв. иссяк, утратил силу воздействия.

Новая волна генерирования беспредметного страха и душевной деградации претендует на более глубокое проникновение в сознание, возбуждение безотчетного нервного потрясения, не нуждающегося в предметных источниках и напрямую нацеленного на наркотическую атаку на обнаженное подсознание.

Духовную неопределенность мистических метафор успешно выражали вербально Ф. Ницше, К.Г. Юнг, З. Фрейд, а в искусстве К.Д. Фридрих, Э. Мунк, Э. Хоппер, С. Дали, З. Бексиньский (рис. 7), кинохудожник Г.Р. Гигер, создавший циклы архитектурной среды к фильмам об инопланетянах.

Все-таки средовые сюжеты с изображением пространства, в котором произошли пугающие изменения (каприччо), чаще всего представлены в архитектурных пейзажах апокалипсиса, равно как и сюжеты с «райским» будущим городов планеты.

В кино мастерски использовал психологические визионные эффекты А. Хичкок, изобретательно нагнетавший чувство ужаса у зрителей загадочными мизансценами в обычных интерьерах. В наше время для любителей острых ощущений были придуманы Дисней-парки и психологические аттракционы.

На рубеже XIX и XX вв. тема демонстрации безотчетного ужаса в самой банальной среде и в канве обычных житейских дел исчерпывающим образом была проработана в творчестве писателей-декадентов, навевавших запредельную жуть на своих читателей загадочными текстами с описанием мрачных интерьеров с задрапированными окнами, старинной мебелью, невнятными шорохами, вздохами и скрипами, портретами предков, внимательно смотрящих вам в глаза. Трудно отделаться от впечатлений соприкосновения с безотчетным страхом после чтения откровений М. Шелли, Э.А. По, В. Ирвинга, Э.Т.А. Гофмана, и конечно, А. Толстого и Н. Гоголя.

Раннехристианские мученики и потом мусульмане с радостью принимали возможность умереть во славу бога, находя в этом короткий путь к бессмертию.

Философскому обоснованию и адорации таких настроений посвятили себя С. Кьеркегор, опасавшийся оказаться в мире, оставленном богом; Ф. Ницше

Рис. 6. Сюжет из серии «капричос» Ф. Гойи⁶

Fig. 6. The plot from the series “caprichos” by F. Goya⁶

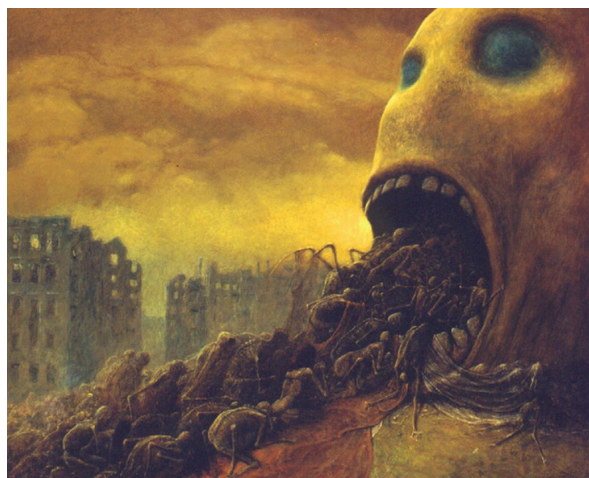

Рис. 7. Избранное из работ польского художника З. Бексиньского⁷

Fig. 7. Selected works by Polish artist Z. Beksinsky⁷

ше с правом на самоубийство как проявление свободы выбора; А. Камю, разочарованный абсурдностью жизни, лишенной здравого смысла и толкающей человека к суициду; Ж. Бодрийяр, «догадавшийся», что современная культура построена на влечении

⁶ URL: <https://rossaprimavera.ru/static/files/ac7d569a76c4.jpg>

⁷ URL: <https://proza.ru/pics/2024/12/11/1256.jpg>

к смерти, которая освобождает место для будущей жизни (кажется, он попал в точку по отношению к современному человечеству).

Всеобщее помрачение не могло обойтись без зеркального отражения в архитектуре декаданса и ее современного варианта — деконструктивизма [25], которая, конечно, не призывает прямо к самоуничтожению, но создает выразительный фон среды таким, будто разрушение уже происходит, но при этом ничего страшного не случилось.

Поистине, предшествующая цивилизация оставила нам в наследство генетику мании суицида.

Прискорбно, что движение суицидальной мысли происходит в сфере интеллектуальных коммуникаций обновления философских течений, адепты и конструкторы которых чутко улавливают пульс деградации ментальности эпохи, непроизвольно предвосхищая будущее, совсем не такое, какое хотелось бы иметь. В результате оттенки меланхолии декаданса наложились на изломанный декор модерна, а пафос победы в Великой Отечественной войне отпечатан в патетике сталинского ампира.

Откровенная демонстрация победного имперского декора и общего величия сооружений в СССР 1950-х гг. представляет редкий в наше время отрицания «барочного» мышления случай классических реминисценций в «одежде» архитектуры.

В образах предлагаемых проектов авторы научились корректному изложению общей концепции пространственного решения с включением выразительной «брошки», как это делают опытные модельеры. Эта свойственная модернизму интеллигентность все же наскучила, стремление обострить образы архитектуры — а это удастся только внесением акцентов запрета и угрозы в облик здания — получило выход в брутализме, подзадориваемым лихим творчеством хиппи (рис. 8).

Знаки естественного старения и разрушения стали имитировать в новых зданиях офисов и ре-

Рис. 8. Европейский брутализм середины XX в.⁸

Fig. 8. European Brutalism of the mid-20th century⁸

⁸ URL: <https://i.pinimg.com/originals/0c/0f/80/0c0f806f2e140dd5044538958eedf050.jpg>

Рис. 9. Авангардный экстремизм современной архитектуры⁹

Fig. 9. Avant-garde extremism of modern architecture⁹

креаций изобретательными и художественно полноценными силуэтами, создающими эффект стилистического обновления. Это направление вклинилось в архитектурные находки явно угрожающего дизайна с мотивами, вызывающими социальный протест и по меньшей мере недоумение (рис. 9).

Формалистические эксперименты, легализовавшие появление в городской среде зданий, раздражающих и пугающих горожан немасштабной громадностью глухих объемов, обилием наклонных граней, нелепых композиций, открыли при попустительстве муниципалитетов (в надежде, что появление в городе причудливых объектов вызовет приток туристов) простор для деятельности архитектурных мэтров, поощряющих друг друга Притцкеровскими премиями и не внемлющих гласу народа. Архитектура на западе стала объектом конспиративного художественного творчества, подобно скульптуре, доступной для понимания людьми, относящими себя к элите общества и мыслящими в резонанс идеям новых философов, которые, в этом нет ничего странного, исповедуют идеологию декаданса, самоустранения, нестабильности, нервного напряжения или, напротив, безвольной апатии перед грядущим.

Искусство, культивирующее такие мотивы безысходности, реверсивно усиливает общую паранормальность мировоззрения, пораженного эпидемией «декона» и выводящего на поверхность культурной жизни своих кумиров: П. Пикассо, А. Модильяни, С. Дали, Ф. Маринетти и иже с ними. Неудивительно, что в обновленческой идеологии тоталитарного искусства государственных режимов Италии, Германии, СССР работы авангардистов были объявлены образцами безумия и разложения (с чем можно согласиться), предложив обратиться к образам молодого здорового тела. В манифесте футуризма

⁹ URL: https://images.adsttc.com/media/images/6687/0721/483c/b372/b9c9/cac7/large_jpg/_1.jpg?1720125224

Ф. Маринетти провозгласил, что нет шедевра, если он не имеет агрессивного духа; мы хотим восславить войну — единственную гигиену мира, милитаризм и патриотизм. Вот такой поворот. Агрессивность прямо или косвенно выражена и в архитектуре этих стран предвоенной эпохи 1940-х гг. «И танки наши быстры» пели советские люди на первомайских демонстрациях.

Горестные знаки минувших войн отображены в мемориалах. А ожидание новой войны имеет свою символику во всем — в искусстве, в величии архитектуры, имеющей строгий геометризм, симметрию, грозную символику.

Современная архитектура произвольно демонстрирует апокалиптические визионы в виде тесно сплоченных кубовидных многоэтажных домов темной окраски, возникающих, в частности, на периферии Москвы. Со стороны они выглядят откровенно угрожающими (рис. 10).

Отдельные новостройки в городах, имеющие градостроительное значение пространственных акцентов, вызывают ощущение опасности, особенно неожиданной скоростью возведения, непривычной для горожан, и являют собой, главным образом, творческую манифестацию автора, по-своему понимающего контекст среды.

К ним относятся странные затеи муниципалитетов больших городов обзавестись заметным архитектурным объектом в порядке PR.

Характерно, что сегодня ни одна амбициозная новостройка не вызывает позитивных эмоций, они явно нацелены на архитектурное сопровождение процесса апокалипсиса и запрещают своим видом приближаться к ней, предупреждая об опасности знакомства с неведомым существом.

Интересно, что строящиеся одновременно по инициативе церкви храмы в российских городах

вызывают, напротив, впечатление человечности, масштабы и позитива, хотя и существует резонное мнение, что Россия — светское государство.

В цивилизованной среде знаки угрозы смягчаются до сигнала запрета асоциальных действий, направленных на поддержание порядка в городе.

Такой запрет несут в себе скамьи, вмонтированные в антивандальные основания, перегородки на скамьях остановок, не позволяющие укладываться на ночлег, шипы на спинках скамей — для любителей посидеть на них с ногами и т.п.¹¹ [26].

Все же основной угрозой, олицетворяющей социальный дисбаланс, является антигуманная архитектура, ее внутреннее пространство, поглощающее и выбрасывающее потоки людей и машин, ее отчужденный от привычных эстетических и этических норм ритм жизни наводит на подтверждение диагноза о болезни цивилизации.

Совокупный образ архитектуры, потерявшей ориентиры развития и черты ансамбля, подобно лицу больного человека свидетельствует о приближении к распаду целесообразных связей между сферами социальной жизни.

Позитивный опыт древних в организации «правильных» ансамблей городов и парадных магистралей ненадолго вернулся в эпоху Возрождения; в период германского фашизма идеи упорядочения городов исходили из утверждения принципов арийского превосходства с подавлением и устрашением окрестного мира.

Пульсация акций сатанинской символики и преступного антигуманизма обозначилась в тени благополучного постиндустриального общества, где возникли закрытые секты, привлекающие людей с извращенной психикой, устраивающих ритуальные убийства; почти открыто существуют публичные дома с девушками-ампутантами, секты религиозных фанатов флагеллантов, умерщвляющих свою плоть самобичеванием во искупление грехов.

Тотальное безумие, скрытое тонкой оболочкой благополучного бытия, подогревается информационными системами, точно реагирующими на расширяющийся интерес к патологии преступности, сексуальным извращениям, активизации движения ЛГБТ, безответственной пропаганде смены пола детей, неотенической (впадение в детство) образности архитектуры, адорации абстрактного искусства, пропитанного сюжетами смертельного ужаса, и наконец — кластеров, скоплений многоэтажных зданий, вид которых не свидетельствует об их предназначении человеку, ибо это — издержки стихийного градостроительства.

Все это — продукция сознательной или интуитивной деятельности людей, не задающих себе вопрос о том, чем все это кончится.

¹¹ Городские шипы: враждебная архитектура и ее скрытые смыслы. Пространство, сентябрь 03.2024. URL: telegra.ph

Рис. 10. Кластеры жилых групп новостроек Москвы¹⁰

Fig. 10. Clusters of residential groups of new buildings in Moscow¹⁰

¹⁰ URL: https://webpulse.imgsmaill.ru/imgpreview?mb=webpulse&key=pulse_cabinet-image-f8556772-1f1d-457a-bc82-403b6903845a

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

А кончиться может вот чем. Даже если не случится в ближайшее время истребляющая все ядерная война, некоторым образом спасающая человечество от позорной гибели от эпидемий, разврата, преступности и духовного распада, когда биосфера получит возможность отдохнуть от человека и возобновить цикл эволюции со следующей попыткой культивирования разумной цивилизации, человечеству надлежит найти или создать такой институт глобального единения, который остановит на время гибель или придаст благородный оттенок финишу расы; пока, кроме церкви, подтвердившей свой опыт исторического влияния на разум и волю народов, это сделать некому, при том что и сама церковь должна очиститься от исторических наслоений, недостойных пастыря — в ее анналах есть попытки отказа от фантастических небылиц в становлении стержня объединения, экуменизации, попытки различных видов протестантизма снять прессинг веры в богочеловека. Идеи коммунизма тоже оказались преждевременными.

Но, скорее всего, человечество должно пройти через точку сингулярности, обозначающей неконтролируемый человеком крах существующего мира, и обновиться после катастрофы и страданий.

Как смягчить удар, обойтись малыми потерями? Религиозными реформами? Это был бы странный вывод для атеиста и архитектора, верящего в реальные предметные преобразования мира, а не сюрреализм божественной веры.

Экстравагантные силуэты авангардистской архитектуры, деформация архитектурных образов в безобидных картинках «каприччо», изображающих апокалиптические сюжеты, как бы морально готовят людей к видениям поверженных в прах городов (хотя для аналогичного впечатления достаточно посмотреть на руины украинских и сирийских городов, разграбленную Пальмиру), и безмолвно предупреждают, что накопление в сознании людей привычки равнодушно взирать на остовы зданий споспешествует безнаказанной подготовке окончательного удара по цивилизации. Кто и зачем его готовит?

Или это тайная акция маньяков международной секты по сокращению населения Земли?

Архитектура в этих событиях предстает очевидным индикатором накопления взрывного заряда. Явления угрожающего, беспощадного вышли из тени. Может быть, их предъявление заставит одуматься?

Общество, обычно настроенное позитивно к перспективам цивилизации, сегодня осознает собственное помутнение разума, толкающее землян к суициду. На информационной поверхности мировоззрения светятся знаки, демонстрирующие различные уровни психоза, вполне осознаваемого, но фатально неприкасаемого как объект нейтрализации.

Это не алармизм. Это предъявление фактов эволюции общественного сознания, эскалации его зомбированности и слепого марша к пропасти небытия. Обидно, что этот крестный ход совершается на фоне великолепных технических и культурных достижений.

Предустановленность финала расы осуществляется усилиями самого человека самыми примитивными средствами.

Сегодня противостояние может быть выражено не прямыми угрозами, а «игрой мускулов», намекающей на действительные или мнимые превосходства, даже не прибегая к устрашающей архитектуре, ассоциативное мышление обходится без визионов — дух апартеида, например, воспринимается интуитивно.

Кроме когнитивных функций угрожающая и претительная информация имеет конкретно направленное указание к действиям. Но отпугивающих знаков в виде символов и текстов, обязывающих покинуть запретную территорию, недостаточно. Их подкрепляют силовыми угрозами. Это известные сценарии противостояния «двух баранов». Метафорическая игра наращивания аргументов «ах, ты так!» завершается, как правило, реальной пробой сил. И аннигиляцией, такой привлекательной в изображениях руин городов.

В международном масштабе отключение разума при эскалации подобного противостояния удастся притормозить упоминанием памятников предшествующих войн, наивными попытками создания интернациональных комитетов, строительства дворцов мира, приглашающих к взаимопониманию. История не подтверждает успешность таких попыток. Что-то здесь напоминает строительство Вавилонской башни.

Архитекторы, владеющие тайной воздействия среды обитания на людей и понимающие лучше других знаки деградации мира, в силу складывающихся отношений в сфере строительства отчуждаются не только от наблюдения стройки, но и от проектирования, которое теперь происходит в утробе компьютера, как следствие, утрачивают представление о реальном воздействии на сознание сограждан облика выросшего сооружения, и, понятно, теряют право голоса при обсуждении чужеродного тела в знакомой городской среде. Так идет процесс самопостроения Молоха хаоса в атмосфере общественной безмятежности, которой собственные СМИ прививают спокойное отношение к картинам вандализма и погрома сложившейся застройки.

Иными словами, мы безоружны перед лавиной всеобъемлющего социального зла, неотвратимо надвигающегося на планету, и истоки этого зла — мы сами.

С кем же бороться?

Решайте, граждане планеты, пока она не стряхнула нас как послед неудачного биологического эксперимента.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Штейнбах Х.Э., Еленский В.И. Психология жизненного пространства. СПб. : Речь, 2004. 239 с.
2. Сомов Г.Ю. Уровни средообразования // Городская среда : сб. мат. Всесоюзной науч. конф. Ч. 2. М. : ВНИИТАГ, 1989. С. 116–124.
3. Сомов Г.Ю. Эмоциональное воздействие архитектурной среды и ее организация // Архитектура и эмоциональный мир человека. М. : Стройиздат, 1985. С. 82–149.
4. Dobzhansky T. The Genetic Basis of Evolution // Scientific American. 1950. Vol. 182. Issue 1. Pp. 32–41. DOI: 10.1038/scientificamerican0150-32
5. Hall E. The silent language. Knopf Doubleday Publishing Group, 1980. 224 p.
6. Гамильтон-Томпсон А. Английский замок. Средневековая оборонительная архитектура М., 2011.
7. Жарков С.В. Рыцарские замки, метательные машины и пушки средневековья. Минск : Друк-С, 2006. 177 с.
8. Иванов К. Средневековый замок, город, деревня и их обитатели. М. : Ломоносовъ, 2015.
9. Мески Ж. Замки в средние века. М. : Астрель-АСТ, 2003.
10. Окиотт Э. Рыцарь и его замок. Средневековые крепости и осадные сооружения. М., 2007.
11. Виолле-ле-Дюк Э.Э. Осада и оборона крепостей. Двадцать два столетия осадного вооружения. М. : Центрполиграф, 2022.
12. Громов И.П. Фортификационные сооружения средневековья // Архитектура и строительство. 2021.
13. Кузнецов В.В. Фортификационная архитектура: история и современность // Архитектурное наследие. 2020.
14. Исаков Е.В., Орлов В.П. Кронштадт: архитектура, история, фортификация. СПб. : Крива, 2017. 600 с.
15. Яковлев В.В. Эволюция долговременной фортификации // Государственное военное издательство Наркомата обороны СССР. 1931.
16. Федоров В.В., Скибина Е.В. Феномен архитектурных руин // Вестник МГСУ. 2013. № 8. С. 7–13. EDN RAFVGZ.
17. Бугрова Е.Д. Индустриальные руины: эстетика modern decay и туризм // Labyrinth: теории и практики культуры. 2022. № 3. С. 16–23. DOI: 10.54347/Lab.2022.3.2. EDN QOIEJE.
18. Ухнаев А.Е. Руины. Время. Архитектура // Архитектурный вестник. 1997. № 4. С. 61–69.
19. Яхья М.Я., Салил М.Я. Война с красотой. Почему современная архитектура стала уродливым лицом нашей жизни // Молодой ученый. 2022. № 4 (399). С. 465–469. EDN PPZAZV.
20. Чернышова Э.П. Феноменология архитектурной формы: влияние архитектурно-пространственных форм на психику человека // Сборник научных трудов SWorld. 2013. Т. 49. № 3. С. 59–62. EDN RFUYBH.
21. Седых А. Кризис современной архитектуры. URL: <https://www.rmnt.ru/story/realty/krizis-sovremennoy-arxitektury.373409/>
22. Тимов А.Л. Современная архитектурная среда и ее влияние на поведение человека // Архитектон: известия вузов. 2004. № 1 (6).
23. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М. : Наука, 1989.
24. Бычков В. Эстетика. М. : Гардарики, 2008. 564 с.
25. Салингарос Н. Анти-архитектура и деконструкция: триумф нигилизма. М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2017. 296 с. EDN XTVQRQ.
26. Ромашкина С. Агрессивная архитектура. URL: vlast.kz

Поступила в редакцию 13 февраля 2025 г.

Принята в доработанном виде 5 марта 2025 г.

Одобрена для публикации 5 марта 2025 г.

ОБ АВТОРЕ: **Валентин Никитович Ткачев** — доктор архитектуры, профессор кафедры архитектуры Института архитектуры и градостроительства; **Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ)**; 129337, г. Москва, Ярославское шоссе, д. 26; ORCID: 0000-0001-5434-6785; valentintn@mail.ru.

REFERENCES

1. Steinbach H.E., Elensky V.I. *Psychology of living space*. St. Petersburg, Rech', 2004; 239. (rus.).
2. Somov G.Yu. Levels of environmental formation. *Urban environment : collection of materials of the All-Union scientific conference. Part 2*. Moscow, VNIITAG, 1989; 116-124. (rus.).
3. Somov G.Yu. Emotional impact of the architectural environment and its organization. *Architecture and*

the Emotional World of Man. Moscow, Stroyizdat, 1985; 82-149. (rus.).

4. Dobzhansky T. The Genetic Basis of Evolution. *Scientific American*. 1950; 182(1):32-41. DOI: 10.1038/scientificamerican0150-32

5. Hall E. *The silent language*. Knopf Doubleday Publishing Group, 1980; 224.

6. Hamilton-Thompson A. *English castle. Medieval defensive architecture*. Moscow, 2011. (rus.).

7. Zharkov S.V. *Knights' castles, throwing machines and cannons of the Middle Ages*. Minsk, Druk-S, 2006; 177. (rus.).

8. Ivanov K. *Medieval castle, town, village and their inhabitants*. Moscow, Lomonosov, 2015. (rus.).

9. Meski J. *Castles in the Middle Ages*. Moscow, Astrel-AST, 2003. (rus.).

10. Oakshott E. The knight and his castle. *Medieval fortresses and siege structures*. Moscow, 2007. (rus.).

11. Viollet-le-Duc E.E. Siege and defense of fortresses. *Twenty-two centuries of siege weapons*. Moscow, Tsentrpoligraf, 2022. (rus.).

12. Gromov I.P. Fortifications of the Middle Ages. *Architecture and Construction*. 2021. (rus.).

13. Kuznetsov V.V. Fortification architecture: history and modernity. *Architectural Heritage*. 2020. (rus.).

14. Isakov E.V., Orlov V.P. *Kronstadt: architecture, history, fortification*. St. Petersburg, Kriga, 2017; 600. (rus.).

15. Yakovlev V.V. Evolution of long-term fortification. *State military publishing house of the People's Commissariat of Defense of the USSR*. 1931. (rus.).

16. Fedorov V.V., Skibina E.V. Architectural ruins phenomenon. *Vestnik MGSU* [Proceedings of Moscow

State University of Civil Engineering]. 2013; 8:7-13. EDN RAFVGZ. (rus.).

17. Bugrova E.D. Industrial ruins: modern decay and tourism. *Labyrinth: Theories and Practices of Culture*. 2022; 3:16-23. DOI: 10.54347/Lab.2022.3.2. EDN QOIEJE. (rus.).

18. Ukhnaev A.E. Ruins. Time. Architecture. *Architectural Bulletin*. 1997; 4:61-69. (rus.).

19. Yakh'ya M.Ya., Salil M.Ya. The war with beauty. Why modern architecture has become the ugly face of our lives. *Young Scientist*. 2022; 4(399):465-469. EDN PPZAZV. (rus.).

20. Chernysheva E.P. The phenomenology of architectural form: the influence of architectural and spatial forms on the human psyche. *Collection of scientific papers SWorld*. 2013; 49(3):59-62. EDN RFUYBH. (rus.).

21. Sedykh A. *The crisis of modern architecture*. URL: <https://www.rmnt.ru/story/realty/krizis-sovremennoy-arxitektury.373409/>

22. Titov A.L. Modern architectural environment and its influence on human behavior. *Architecton: News of Universities*. 2004; 1(6). (rus.).

23. Freud Z. *Introduction to psychoanalysis. Lectures*. Moscow, Nauka, 1989. (rus.).

24. Bychkov V. *Aesthetics*. Moscow, Gardariki, 2008; 564. (rus.).

25. Salingaros N. *Anti-architecture and deconstruction: the triumph of nihilism*. Moscow; Yekaterinburg, Cabinet Scientist, 2017; 296. EDN XTVQRQ. (rus.).

26. Romashkina S. *Aggressive architecture*. URL: vlast.kz

Received February 13, 2025.

Adopted in revised form on March 5, 2025.

Approved for publication on March 5, 2025.

B I O N O T E S: **Valentin N. Tkachev** — Doctor of Architecture, Professor of the Department of Architecture of the Institute of Architecture and Urban Planning; **Moscow State University of Civil Engineering (National Research University) (MGSU)**; 26 Yaroslavskoe shosse, Moscow, 129337, Russian Federation; ORCID: 0000-0001-5434-6785; valentintn@mail.ru.